
АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ МАСС

ЧАСТЬ III

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Возможен другой мир.
Лула да Силва,
президент Бразилии

ДРУГОЙ МИР

— А я и не знал, что вы такой фундаменталист, — ввернул писатель из Нижневартовска, угощая меня сибирской экзотикой — губами лося.

Я приехал на Югру в июле, сразу после выхода последней, “исламской”, главы “Возвращения масс”. И вот на тебе, реакция. Я чуть не поперхнулся: спасибо, что радушный хозяин в пособники бен Ладена не записал!

Поверхностное прочтение всегда огорчает, тем более если читатель — коллега. Но тут оно раздосадовало меня вдвойне. **Я пишу об исламе не потому, что сочувствую фундаменталистам. Мусульманский мир привлекает меня стойкостью. Он сражается в Ираке и Афганистане, в Ливане он отразил агрессию, в Иране — не допустил её.**

Хозяева дискурса, все эти Буши, Блэры, Брауны, поспешили протрубить о своей победе — ещё бы, вся мощь “золотого миллиарда” яростно клочкотала в их руках. Подручные с холопской прытью объявили “конец истории”: народы и страны выстроены в линейку, обряжены в униформу и только и ждут команды из Вашингтона. Но пока распорядитель прочищал горло, чтобы рявкнуть: “Равняйся!”, строй распался, взбунтовавшиеся народы разошлись каждый в свою сторону, туда, куда изначально определил их Господь Бог. Модератор посерьёзнее, чем Дж. Буш-младший.

Но не только энергия борьбы привлекает меня в исламе. Этот полтора-миллиардный человеческий муравейник поразительно свободен, искренен, выразителен в реакциях на происходящее. От души хохочут, когда весело, печалются, когда грустно, негодуют, когда затрагивают их интересы и честь. Живут полноценной жизнью. И это победительно проявляется во всём — в быту и в борьбе.

Какой контраст с мёртвым молчанием России! Сколько вызовов предъявлено ей: от болезненных житейских до роковых — сакральных. Запад теснит нас со всех сторон. Дошло до того, что стали глумиться над прахом наших воинов!

Продолжение. Начало в № 10–12 за 2006 год; № 3–4, 6–7 за 2007 год.

Но и собственные правители норовят подвести государствообразующий народ под закон об экстремизме, регулярно ужесточаемый – чуть ли не раз в несколько месяцев. По России идут аресты националистов, о чём радостно рапортует столичная печать.

Как хотели повесить на русских подрыв питерского экспресса – “МК” аж на всю страницу размахнул: “Невский экспресс” взорвали русские боевики?” (“МК”, 21.08.2007). И буквально взвыл, когда “русский след” оказался под сомнением. Позже выяснилось, откуда такая прыть: “Самой перспективной директор ФСБ считает версию теракта, подготовленного экстремистскими молодёжными группировками националистического толка из Москвы или Петербурга” (“МК”, 28.08.2007). Представьте, даже не знают, откуда “экстремисты”, но точно знают, кто они. Русские.

Два месяца спустя взрыв прогремел в Тольятти. И вновь главный силовик связал теракт с русскими националистами. И снова либеральная печать охотно подхватила версию спецслужб. На этот раз “выстрелил” “Коммерсантъ”: “Тольяттинских студентов взорвали националисты” (1.11.2007).

Лишь когда на Кавказе подорвались несколько автобусов кряду, от “русской” версии отказались. И что характерно: СМИ (да, кажется, и сами сыскари) как-то сразу потеряли интерес к национальности террористов. Похоже, если боевики не русские, то они мало кого интересуют.

Без лишнего шума обвинение в подрыве “Невского экспресса” предъявили “двум жителям Ингушетии”, как политкорректно выразилась пресса (“Время новостей”, 23.11.2007). (Почему же прежде указывали не территориально-административную, а национальную принадлежность предполагаемых террористов?) А в тольяттинском взрыве, унёсшем, между прочим, восемь жизней, ФСБ в конечном счёте и вовсе “не нашла признаков теракта” (NEWSru.com)...

...Люди, знакомые хотя бы с азами политтехнологий, понимают, что означает публичная презентация понятия “русские боевики”. До сих пор говорили только о “чеченских боевиках”. И это сформировало соответствующее отношение к целому народу! Справедливо оно или нет – здесь обсуждать не место. Факт, что называется, налицо, на него не раз с негодованием указывали руководители Чечни.

Но одно дело – маленький народ в огромной стране. Другое – 120-миллионный этнос, на котором держится Россия! Изображать его в качестве рассадника терроризма, по крайней мере, опрометчиво.

Зачем же руководители силового блока пошли на это, тем более в преддверии выборов? Неужели для того, чтобы запугать, задавить комплексом вечной вины и погнать ошеломлённый, ошельмованный электорат на избирательные участки – проголосовать правильно?

Идея оказалась настолько абсурдной, что от неё всё-таки отказались. Упор сделали на демонстрацию “энтузиазма” народа, сплотившегося вокруг президента – лидера партийного списка “Единой России”. Ежедневно по всей стране бюджетников и студентов выводили на митинги “в поддержку Путина”. Некие “народные представители” провели съезды в Твери и в Москве, куда путинских симпатизантов свозили со всей России – не иначе как за народную же копейку.

Параллельно оппозиция подверглась дискредитации и беспрецедентному давлению. Конкурентам “Единой России” перекрыли финансовые потоки. (сенсационный материал на сей счёт опубликовал московский журнал “New Times” – № 44, 2007). Митинги несогласных запрещали. Правоохранители задерживали партийных активистов. В Серпухове произошла трагедия: неизвестные убили активиста “Другой России” двадцатидвухлетнего нацбола Юрия Червочкина. Запомните это имя.

Прокремлёвские силы призывали к борьбе с врагами. Участники твёрдого съезда требовали “не допустить, чтобы к власти пришли временщики и популисты, стремящиеся растащить накопленные ресурсы и вновь бросить нашу страну в пучину клановых разборок” (“МК”, 19.11.2007). Б. Грызлов восклицал: “Россия без Путина” – это Россия без руководства, Россия без воли. Россия, которую можно делить и с которой можно делать всё что угодно” (“Российская газета”, 17.10.2007).

Вариант “всенародного обожания” на поверку оказался столь же (хотя и на другой лад) абсурдным, как и отвергнутый силови-

ков. На улицы посылали маршировать десятилетних детей, якобы поддерживающих “Единую Россию”, так называемых “мишек” (“МК”, 7.12.2007).

Парламентская кампания разворачивалась с таким шумом и напором, что порою казалось: мозги безответного электората полощут “Калгоном”, “средством номер один” для промывки стиральных машин.

Происходящее приобрело и вовсе иррациональный оттенок, когда президент – сразу после победы – заявил, что он покинет Кремль в мае (а как же “Россия без Путина” – это Россия без руководства” и далее по тексту см. выше?).

Позднее Путин согласился занять пост премьера – в несформированном правительстве непобедившего пока кандидата в президенты. Тем самым он ещё больше запутал политическую игру, а заодно и будущую структуру управления. Что чревато возникновением ситуации двоевластия*.

Что уж точно не привлекает Путина, так это депутатское кресло. Свой мандат он передал некоему Сергею Капкову, о котором известно только то, что он представляет Магаданскую область и является человеком Абрамовича (“МК”, 14.12.2007). Нетрудно спрогнозировать, как проголосовала бы страна, если бы знала, что отдаёт голоса не Путину, а Капкову.

Вместе с президентом от депутатских мест отказалось более сотни “медведей” – самый известных и титулованных: министров, губернаторов, мэров, хозяйственников – тех, чьи громкие имена и узнаваемые лица привлекали избирателей. Для сравнения – у “Справедливой России” только 9 “отказников”, у КПРФ – 4, у ЛДПР – 2 (“Коммерсантъ”, 14.12.2007). Фактически электорат в очередной раз обвели вокруг начальственного пальца.

Как бы то ни было, оглушительная пропаганда вкупе с административным ресурсом обеспечили “правильный” результат. По стране партия власти набрала без малого 65 процентов голосов. На некоторых участках цифры зашкаливали за пресловутые 99,9. А иные ревностные не по уму руководители территориальных избирательных комиссий – как утверждает оппозиция – рапортовали в центр, что “Единая Россия” набрала 106 и даже 109 процентов (NEWSru.com). Хорошо хоть в последний момент ретивых служак поправили сверху, а то бы Россия попала в книгу рекордов Гиннеса с анекдотическим рекордом!

... Народ молчит. Кажется, его “не колышет” ни то, что творят с ним и от его имени, ни то, что происходит с Россией. Иной раз подумаешь: да, жив ли он?

Вот и наш славянский сосед – поэт Борис Олейник не удержался, окликнул Россию:

*Так отзовись из помрачённой дали,
Подай хоть голос: ты ещё жива ли?
А то, не слыша твоего глагола,
Уже и Спас тревожится с высот:
“Коли молчанье, как в пустыне голой,
То есть ли, вправду, там ещё... народ?”***

– Так что же: митинговать – как на Украине?

Зачем же – как на Украине? Там людей использовали. Я был на Майдане и, на правах очевидца, наглядно разобрал ситуацию в “украинских” главах книги “Менеджер Дикого поля” (“Наш современник”, № 2, 4, 2005). Усердствовать ради чужих интересов нелепо. А ради своих – почему бы и не помитинговать?

* В сущности, если не двоевластие, то глубокий раскол кремлёвских элит – уже свершившийся факт: противостояние ведомств Патрушева и Черкесова, блоков силовиков и финансистов (Кудрин, Сторчак), следственного комитета (отождествляемого с тем же блоком силовиков) и генпрокурора Чайки, слывущего либералом. Баланс интересов даётся со всё большим трудом. Похоже, и согласие Путина возглавить правительство призвано уравновесить выдвижение Медведева, которое аналитики расценили как безоговорочную победу либералов над силовым блоком.

** Олейник Борис. Трубач совести (“Наш современник”, № 7, 2007).

Один раз попробовали – “пенсионное восстание”, спровоцированное пресловутой “монетизацией льгот”, – и вернули большую часть отобранного...

Кстати, кое-что получили и украинцы. Стратегически “помаранчевая” революция была их проигрышем: в Европу всё равно не пустили, а с Россией отношения крепко подпортили. Но тактически они немало приобрели. И “оранжевые”, и “синие” в погоне за симпатиями избирателей вынуждены “делиться”. Сейчас на Украине самые высокие пенсии в СНГ. И едва ли не самые низкие коммунальные тарифы. Накануне внеочередных выборов правительство В. Януковича ещё раз повысило заработную плату. В. Ющенко в ответ приказал поднять пенсии (“МК”, 4.09.2007).

Это не к тому, что надо повторять украинский сценарий (рано или поздно драчка в верхах скажется на экономике). Но свои права отстаивать необходимо.

Чтобы напомнить эту простую, но всё как-то ускользающую от моих соотечественников истину, я вновь повлеку читателя в иные края. Что делать, коли в своих не найти примера? После Востока отправимся на Запад. Туда, где за краем земли, как и положено, открывается Другой мир.

Вот уж где нет и следа мертвящего покоя! Латинскую Америку советские обществоведы именовали “пылающим континентом”. Западные политологи говорят о “бунтарском континенте”.

Действительно, здесь за последние десять лет потеряли свои посты свыше дюжины президентов. Их не просто сменили – низвергли. Да с каким грохотом!

Одного – Абдалу Букарама из Эквадора – Национальный конгресс отрешил от власти с убийственной формулировкой: “За умственную неспособность”. Эту историческую характеристику я привожу по книге старейшего отечественного латиноамериканиста К. Хачатурова “Латиноамериканские уроки для России” (М., 1999). Опытный и осторожный автор относительно данного урока предпочитает не распространяться. Однако я полагаю, что нечто подобное должна была совершить Госдума в 1996 году, когда выяснилось, что Ельцин, избранный на второй срок, не способен управлять государством. Тогда страна не разбазарила бы бездарно 4 года, могла бы своевременно решить проблему Чечни, скорее всего, избежала бы дефолта.

К слову, о дефолте. Аргентинцы, оказавшись в схожей ситуации, незамедлительно вывели не справившегося с финансовым кризисом президента из Розового дворца, как именуют правительственную резиденцию в Буэнос-Айресе. Незадачливому правителю пришлось воспользоваться вертолётom, чтобы ускользнуть от разъярённой толпы.

Тот же трюк вынужден был проделать эквадорский президент-неудачник (ещё один) – Луис Гутьеррес. Придя к власти на волне популистских обещаний, он обманул народ и с позором бежал – не только из дворца, но из страны.

Наглядный урок: не обманывай! Это не просто аморально – себе дороже...

За последние годы одиннадцать (!) проворовавшихся “отцов нации” были привлечены к суду или бежали за границу. Не откажу себе в удовольствии огласить весь список: К. Перес (Венесуэла), К. Салинас (Мексика), уже помянутые А. Букарам и Л. Гутьеррес, а заодно и Р. Артеага (все Эквадор), С. де Лосада (Боливия), К. Менем (Аргентина), А. Гарсиа и А. Фухимори (Перу), Р. Кубас и Г. Макчи (Парагвай). Кого-то потом простили, кто-то (К. Менем) вновь выдвигался на высший пост, а Гарсиа даже занял его вновь. Но эти хотя бы получили острастку: власть не безгранична и не вечна, отвечать придётся!

Буйство народной стихии? Несомненно. Но не только гневно-разрушительное, а зачастую ответственно-созидательное. Те же аргентинцы, заставившие неудачливого правителя карабкаться, подобно горе-укротителю из “Полосатого рейса”, в кабину вертолётa, вслед за тем едва ли не поголовно пришли на избирательные участки. Почти 100-процентная явка – электоральный рекорд. Более того, это впечатляющий нравственный акт, торжество гражданского духа.

У нас скажут: “Вот простак! Что зависит от их голосов?” И ошибутся – ясно выраженную волю не так-то просто извратить или проигнорировать.

Впрочем, подстраховаться никогда не мешает. И потому аргентинцы создают структуры общественной солидарности, того самого гражданского общества, которое нам, проста, представляется чем-то

навязанным извне, чуждым, чуть ли не опасным, а их защищает, собирает воедино, помогает выстоять в условиях деградации государства и кризиса экономики.

Началось всё, понятно, с протеста. Когда в 90-е годы по Аргентине прокатилась волна безудержной приватизации, работники государственных предприятий стали перекрывать дороги. Возникло движение, объединившее 35 тысяч человек. Оно получило название “пикетерос”. Скоро это испанское слово обрело известность как в среде мировых финансовых воротил, так и среди антиглобалистов. “Пикетерос” не только заставили считаться с собой. Они стали помогать друг другу. Авторы фундаментального исследования “Латинская Америка в XX веке. Социальная антропология бедности” (М., 2006) рассказывают об этой стороне их деятельности: “В бедных городских кварталах они создают столовые и развивают различные кружки, проводят учебные курсы для детей...”

После того как правительство под давлением общества начало возвращать заводы в собственность государства, возникло движение работников деприватизированных предприятий. Они объединяются, чтобы совместно управлять производством. Из того же исследования узнаём: создано более ста подобных организаций. Ещё сотня находится в стадии формирования*.

Даже сборщики мусора образуют свои структуры. Живая солидарность помогает им преодолеть отверженность. А заодно избежать типичной войны нищих – за территорию. “Картонерос”, как называют их аргентинцы, распределяют зоны работ. Кроме того, они заставили городской парламент Буэнос-Айреса узаконить их деятельность специальным актом.

Но, пожалуй, самое широкое движение – объединения жителей домов и городских кварталов, так называемые “ассамблеи соседей”. Ассамблеи получили такую известность, что опыт их работы был обобщён на международном форуме ЮНЕСКО “Мост Аргентина 2002”: “...Граждане спонтанно строят новые формы общественных отношений доверия... Собрания соседей... возникают также как производные формы политического проявления демократии. Впервые складывается новое гражданское отношение между людьми. Это люди разных типов – безработные, государственные работники, врачи государственных больниц, учителя, пенсионеры, “пикетерос”, экспроприированные граждане среднего класса. Бедный и средние классы устанавливают контакты через Интернет, работают вместе в собраниях соседей, организуют клубы обмена, участвуют в опытах партиципативного бюджета и также в области кооперативных структур, где с давних пор практикуются прозрачные и демократичные способы управления общественными фондами” (цит. по: “Латинская Америка в XX веке...”).**

Подробнее рассмотрим это явление в следующей главе, а пока стоит отметить: ассамблеи или собрания соседей распространены и в других странах Латинской Америки. Известный журналист-международник А. Кармен, вспоминая о своих посещениях Чили, свидетельствовал: такие объединения помогали семьям политзаключённых и беднякам выжить в период диктатуры Пиночета (“Латинская Америка”, № 1, 2007).

Об объединениях жителей кварталов как об одной из форм городских народных движений пишет и исследователь антиглобализма К. Агитон (см. его любопытную работу: Агитон Кристоф. Альтернативный глобализм. Новые мировые движения протеста. Пер. с фр. М., 2004).

Как тут не вспомнить (не знаю – с гордостью или с горечью), что я призывал создавать подобные объединения у нас полтора десятка лет назад – в самом начале российского лихолетья. Позволю себе привести цитату: “Вот с этих местных союзов и начинается возрождение России... У них каждый завод, каждый техникум на учёте. Надо бы – и каждый микрорайон. Вот где поле работы любому, кто хочет что-нибудь полез-

* Такого рода объединения, которые я считаю наиболее прогрессивной формой организации трудовой деятельности, формируются не только в Аргентине. См.: Браун У. Как добиться успеха предприятию, которое принадлежит работникам. Пер. с англ. М., 1994; Колганов А. Самоуправление за рубежом: опыт ESOP и мондрагонских кооперативов. М., 1997; Казинцев А. Советский. Выбор (в кн.: “В поисках России”, Калуга, 2001).

** О том, что это такое, поговорим особо.

ное сделать. Подъезды с пенсионерами на каждом этаже... Попробуй себя здесь... Твой дом – поистине твоя крепость. Защити её, мобилизуй! (“Наш современник”, № 1, 1993).

Недавно генерал Л. Ивашов повторил этот призыв, включив положение о самоорганизации жителей в программу “Союза русского народа” (“Наш современник”, № 1, 2007).

Всё без толку!

Между тем только слепой не заметит сходства нашей ситуации с латиноамериканской. Выйдете на улицу и натолкнётесь на московских “картонерос”, роющихся в контейнерах для мусора.

А такие приметы, как коррупция, повсеместное неуважение к закону, криминализация общества и, увы, государства?

Но всё это частные случаи. Общность фундаментальная – состояние перехода от одной формы организации государственной и общественной жизни к другой и от прежней экономической модели к новой. За плечами у латиноамериканцев десятилетия авторитарного правления военных. У нас – ещё более длительная монополия на власть КПСС. У них и у нас экономика до недавнего времени регулировалась государством. Ныне и мы и они живём по западному образцу: представительная демократия и экономический неолиберализм.

Политология называет такое состояние транзитом. Возникла даже особая область науки – транзитология. Учёные, в основном западные, с холодным интересом наблюдают, как сотни миллионов человеческих особей, оттолкнувшись от одного берега, селятся прибиться к другому.

Могут сказать, что всё это – теория. А современный читатель, попривыкший за последние 15 лет к элементарному чтиву, её не жалуется. (“Ленивы и нелюбопытны” – пушкинская ламентация который уже раз к сроку.)

Но вот вполне конкретное проявление нашей близости. Оказывается, российский дефолт 98-го болезненно отозвался в Латинской Америке. Так называемые портфельные инвесторы, а проще говоря, финансовые спекулянты, зарабатывающие деньги на рынках развивающихся стран, убоявшись российского прецедента, начали выводить деньги из Латинской Америки. Рассказав об этом казусе, К. Хачатуров в уже цитированной книге приводит гневные филиппики латиноамериканских СМИ в адрес “обидчиков” из России: “...По оценке мексиканского информационного агентства Ютимекс, девальвация российского рубля и объявленный Москвой односторонний мораторий по выплатам долгов стали пощёчиной для рынков латиноамериканских стран”.

Подсуетились и западные “доброжелатели”, поспешив списать на Россию грехи спекулянтов, в основном с Уолл-стрит. Знаменитый экономист Дж. Стиглиц возмутился в “Нью-Йорк таймс”: “Экономический кризис в России потряс финансовые рынки всего мира. Бразилия и другие латиноамериканские страны заслуживают лучшей участи, чем страдать от чьих-то проблем. Исключительно несправедливо, что Латинская Америка больше других страдает от российского кризиса”.

Процитировав это высказывание, К. Хачатуров вспоминает русскую пословицу: “Долг платежом красен” и сообщает, что бразильский кризис, разразившийся в январе 99-го, в свою очередь, “аукнул” в России снижением производства, ростом инфляции и падением цен на экспортные товары.

Мы – в одной лодке. И, надо сказать, что большинство латиноамериканских экономистов, политиков и публицистов понимают это, считая нас “братьями по несчастью”. Как правило, они отмечают сходство ситуаций в России и Латинской Америке.

В 2003 году в Москве состоялся примечательный семинар, организованный посольством Аргентины, московским Международным университетом и Союзом экономистов. По его итогам был издан сборник “Россия–Аргентина: уроки экономических кризисов”. Процитирую рецензию на этот труд: “Авторы... пришли к выводу, что при всех очевидных различиях речь может идти о значительном сходстве сценариев обеих ситуаций, закончившихся крахом миражей неолиберального процветания и катастрофическими последствиями для двух стран” (“Латинская Америка”, № 4, 2004).

Россия и Латинская Америка сталкиваются со схожими проблемами. Но как по-разному реагирует население на “крушение миражей”! Ведущий оте-

чественный латиноамериканец В. Давыдов отмечает, что, в отличие от аргентинцев, “российское общество смиренно приняло его (дефолта. – А. К.) тяготы” (“Латинская Америка”, № 4, 2002).

Исследователь говорит о “смирении” нашего общества не без удовлетворения. Понятно, положение обязывает: Давыдов – директор Института Латинской Америки. Как начальник он включён в систему. Куда более резко высказался историк левого движения К. Майданик. Выступая на “круглом столе”, посвящённом аргентинскому кризису, он с горечью отметил: **“Россия действительно не Аргентина. Но не потому, что “образующий”, коррупционный процесс выражен в ней слабее. И не только потому, что Россия не испытала в полной мере всю силу воздействия неолиберального фундаментализма. Современная Россия не похожа на Аргентину и потому, что её население оказалось совершенно неспособным к “действию снизу”, к коллективному протесту, к гражданской самодеятельности”** (здесь и далее выделено мною. – А. К.).

Исследователь полемически заявляет: “Конечно, для многих и это сравнение – в пользу “терпеливой России”. Майданик тут же отмечает: мы упустили шанс воспользоваться преодолением кризиса для возрождения общественной солидарности и самосознания: **“...Мне лично реакция аргентинцев на коррупцию и неспособность верхов, на социальную несправедливость, обретение – хотя бы частью нации – веры в силу своего коллективного воздействия на судьбы общества представляется громадным преимуществом при сравнении с ситуацией политической резиньяции масс в России. Даже как “бунт” аргентинский опыт несёт в себе элементы альтернативного будущего, наш же конформизм чреват безальтернативным прошлым”** (“Латинская Америка”, № 4, 2002).

Позднее, в дискуссии о “левом повороте” в Латинской Америке, К. Майданик ещё резче сформулировал: “В этом плане (реакции общества на кризисы. – А. К.) Латинская Америка и Россия представляют сегодня как бы два полюса современного мира” (“Латинская Америка”, № 6, 2006).

Почему молчат русские, попытаемся ответить в IV, заключительной части “Возвращения масс”, которая будет посвящена России. Теперь же рассмотрим, в каких формах проявилось южноамериканское сопротивление, что послужило поводом к выплеску народной энергии.

Кстати, о происходящем на “пылающем континенте” московская пресса почти не упоминает (“...Латиноамериканистика в наших СМИ находится на пещерном уровне” – А. Кармен). Даже в Интернете информацию приходится собирать по крупицам. Лишь профильный журнал “Латинская Америка” хотя бы отчасти знакомит с процессами, происходящими в Западном полушарии. (Большинство сведений почерпнуто мною именно из этого источника; чтобы не поминать всё время одно издание, я буду ссылаться на журнал в основном при цитировании.)

Думаю, информационный вакуум не случаен. Так же, как в случае со скандинавской моделью, предлагающей реальную – и весьма эффективную! – альтернативу западному неолиберализму (эту модель часто так и именуют “Северная альтернатива”)*. “Свободный” поток информации у нас тщательно фильтруют. Впрочем, так же обстоит дело и по всему свету.

Нынешняя скупость упоминаний о латиноамериканском опыте тем заметнее, что не так давно российские СМИ шумно и напористо приводили в пример именно Южную Америку. То было время, когда в Москву “для консультаций” выписывали “легендарного” Доминго Кавалло. И этот “творец аргентинского экономического чуда” поучал россиян, как окончательно либерализовать и без того лишённую государственного догляда экономику... Тогда же в Москву пожаловал бразильский президент Фернанду Кардозу и, видимо, вспомнив, что он является доктором философии, растолковал профессорам Московского университета исключительную ценность гуманизма.

И года не прошло, как в самой Бразилии безземельные крестьяне захватили ранчо Кардозу. И президент-гуманист бросил против них сначала полицию, а затем и войска (“Независимая газета”, 25.03.2002).

* Я писал о Северной альтернативе в книге “Менеджер Дикого поля” (“Наш современник”, № 8, 2005). Там же можно ознакомиться с краткой библиографией.

Что же до “творца аргентинского чуда”, то в 2002 году Доминго Кавалло был привлечён к судебной ответственности с формулировкой “за развал экономики страны” (“Латинская Америка”, № 11, 2002).

Этому предшествовали события, о которых мы уже кратко упоминали. Финансовые проблемы, накапливавшиеся годами, обострились до предела. Аргентинское правительство фактически заморозило банковские вклады населения (разрешено было снимать со счёта не более 250 долларов в неделю). 13 декабря 2001 года люди вышли на улицу. Они громили офисы банков, магазины, правительственные учреждения. Полиция стреляла в толпу. 30 человек были убиты, ранены сотни. 19 декабря президент де ла Руа ввёл осадное положение, но после того как армия объявила о нейтралитете, он 20 декабря бежал из дворца.

Началась президентская чехарда. За три недели сменилось четыре (!) главы государства. Последний – Э. Дуальде сумел несколько снизить накал страстей, признав: “Мы, включая меня, – дерьмовые руководители. Такова моя точка зрения. А люди говорят о нас и худшие вещи: коррумпированные, преступные, беспомощные, ограниченные, сукины дети, продающие родину. Всё что угодно. Так они думают о политическом классе” (“Латинская Америка”, № 8, 2004).

В те дни на улицах наиболее популярным был лозунг “¡Que se vayan todos!” (“Все – вон!”). Положение стабилизировалось только после выборов 2003 года, на которых победил крепкий хозяйственник из глубинки, губернатор провинции Санта-Крус Нестор Киршнер.

Как тут удержаться от параллелей! В середине 90-х Россию тоже мог бы поднять губернатор-хозяйственник. Никто не рискнул!..

...Так что же всё-таки произошло в Аргентине? Ответить на этот вопрос важно не только потому, что кризис в этой стране стал самым масштабным за последние годы в Латинской Америке, но и потому, что он оказал колоссальное воздействие и на экономику, и на социально-политическую ситуацию на континенте. Обозначил поворотный момент в его современной истории.

Среди многочисленных работ, посвящённых этой теме, обстоятельностью выделяются публикации П. Яковлева – книга “Аргентина: тенденции развития и сотрудничество с Россией” (М., 2005) и материалы в журнале “Латинская Америка”. Обратимся к этим источникам, дополняя их по мере надобности ссылками на работы других авторов.

П. Яковлев рассматривает аргентинские реформы на протяжении десятилетия, начиная с успешного старта в 1991 году (приход команды Д. Кавалло к руководству экономикой) до краха 2001 года. **Первые результаты не просто обнадеживали – окрыляли. Инфляция – бич южноамериканских экономик – была подавлена. В 1991-м она составляла 877%. Деньги обесценивались уже в фургоне, развозившем их в отделения банков. Спустя всего 6 лет, в 1999-м, этот показатель снизился до 7%. Замечу попутно, что для российской экономики это пока недостижимый результат. Я буду всё время сравнивать аргентинские показатели накануне кризиса с сегодняшними российскими. Вскоре читатель поймёт – для чего.**

Экономика росла в среднем на 5,8% в год. В 90-е это считалось одним из лучших результатов в мире. В те годы Россия продолжала падение, приведшее к утрате половины ВВП. Но сейчас мы даже чуть обогнали Аргентину, выйдя на 6–7-процентный рост.

Кавалло удалось привлечь в страну широкий поток инвестиций из-за границы. Если в 1989 году зарубежные инвесторы вложили в экономику 2 млрд долл., то в 1993-м уже 14. И здесь Россия повторяет аргентинский путь.

Началась масштабная модернизация промышленности. Правда, она ограничилась, в основном, предприятиями, работающими на экспорт. Но и это было достижением. К сожалению, мы не можем похвастаться даже таким частичным прорывом. В России до сих пор не началось серьёзное обновление производства. Как заметил известный отечественный экономист А. Лившиц: “Олигархи зарабатывают деньги на социалистических заводах – они ещё пока сами ничего не построили” (“МК”, 8.06.2005).

Но, может быть, главное, чего добилось правительство Менема-Кавалло: в стране возникло ощущение изобилия, коснувшегося достаточно широкого слоя аргентинцев. Яковлев живописует: “Повысилась (в пересчёте на

доллары) заработная плата, появился кредит, стали доступны ранее трудно-достижимые удовольствия, вроде поездок за рубеж и покупок импортных товаров, заваливших местные прилавки”.

Не правда ли, похоже на нынешнюю Россию?

Аргентинцы, как зачарованные, следили за поистине волшебными превращениями. Казалось, что это процветание навсегда. Однако вскоре чары рассеялись, как это обыкновенно и бывает. С проникательностью подлинного поэта Гёте описал подобную трансформацию в “Фаусте”. Помните, Мефистофель нашептывает Императору советы, как устроить государство: сначала новации дают блестящий результат, а затем разражается катастрофа.

“Аргентинское чудо” строилось фактически в долг. Средства заимствовали у будущего и у прошлого. П. Яковлев выявляет источники благосостояния 90-х. Прежде всего, это приватизация – извлечение прибыли из труда предыдущих поколений. Надо отдать должное Кавалло: он собрал не так уж мало средств – 20 млрд долл. (причем половину живыми деньгами). По данному показателю Россия отстала безнадежно, позорно! Обратимся к свидетельству наиболее информированного человека – главы Счетной палаты РФ С. Степашина. Он утверждает: “Под флагом приватизации общенародная собственность стоимостью в триллион долларов и не оцененные природные ресурсы были “проданы” частным лицам всего за 5 миллиардов долларов” (“Независимая газета”, 18.02.2000).

Представляете, как кинули “дорогих россиян”? Московская печать сегодня притворно изумляется: “По данным “Левада-центра”, 71% респондентов до сих пор считает незаконной приватизацию государственной собственности, и лишь 17% готовы признать ее итоги” (“МК”, 4.07.2007). На самом деле, если чему и удивляться, так это проценту тех, кто простил и забыл, как его ограбили. Ни один нормальный человек не смирится с такой растащивкой и никогда не признает итоги приватизации легитимными.

Но и к аргентинцам залезли в карман. Эксперты указывают на многочисленные злоупотребления в ходе приватизации. К. Хачатуров предлагает остроумный способ выявить масштаб ущерба. В книге “Латиноамериканские уроки для России” он указывает на резкий рост числа миллиардеров в Латинской Америке, сопровождавший приватизацию.

Другой известный латиноамериканист Э. Дабагян говорит еще об одном явлении, также хорошо знакомом россиянам, – коррупции. Деньги тратили так же легко, как и получали: “Образцы безумного и безудержного расточительства демонстрировали президент К. Менем и его окружение. Тот период отличался карнавальностью, театральностью жестов правителя, нескончаемыми телевизионными праздниками, блеском, яркими и пестрыми красками. К примеру, широко практиковались зарубежные поездки президента в специально оборудованном лайнере “Танго 01” стоимостью 60 млн долл., с просторной гардеробной и парикмахерской, с огромной свитой, включавшей высших чиновников с супругами, близких к Менему предпринимателей и просто друзей”. Дабагян продолжает: “Главе государства подражали на всех этапах власти. Употребляя образное выражение Манделъштама, можно сказать, что элита жила, “под собою не чуя страны” (“Латинская Америка”, № 4, 2002).

И вновь – будто про Россию написано. Вспоминается ельцинский “борт” стоимостью никак не меньше самолета Менема, раззолоченный и отполированный изнутри иностранными мастерами...

Параллели просматриваются даже в таком “частном” вопросе, как приватизация оборонной отрасли. Известно, к чему это привело у нас. ВПК если и не был уничтожен полностью, то понес потери трудновосполнимые. А вот что пишут эксперты М. Козлов и А. Мазин об Аргентине: “К настоящему времени практически все принадлежащие вооруженным силам Аргентины промышленные предприятия подверглись приватизации, причем, как правило, с резким сокращением числа занятых (на некоторых – в три-четыре раза) и существенным изменением профиля производства” (“Латинская Америка”, № 8, 2003). Приведены печальные примеры: старейшее на континенте авиационное предприятие ФАМА, перейдя под контроль североамериканского концерна “Локхид”, превратилось в мастерскую по обслуживанию авиатехники. На приватизированных судостроительных верфях не способны не только строить, но и ремонтировать военные корабли.

Скажут, непременно скажут (ох, как любит тыкать этим буржуазная печать): “А что вы хотите? Деньги-то государство получило!”

О том, сколько получило, а сколько разошлось по карманам чиновников и проницательных бизнесменов, уже упоминалось. Но и то, что дошло до казны, правительство Менема–Кавалло быстро проело.

Одновременно реформаторы проедали будущее – брали внутренние и внешние займы. П. Яковлев упоминает о колоссальном росте внешнего долга: с 6 млрд долл. в 1991 году до 142 млрд в 2001-м. И это только долги государства! Если прибавить к ним корпоративные, то выйдет, что Аргентина накануне катастрофы задолжала астрономическую сумму – 222 млрд долл.

Тут казенные патриоты не преминут указать на резкое снижение госдолга России в последние годы: “Вот видите, нечего нас равнять с какой-то Аргентиной. Москва свои долги даже с опережением выплачивает!” Действительно, российское государство – выплачивает, а российские корпорации берут новые займы. В результате сумма заимствований фактически не уменьшается. Сегодня она составляет 384 млрд долл. (“МК”, 2.10.2007). А поскольку одалживаются в основном корпорации со значительным госучастием, платить, случись что, придется России*.

Но вернёмся к Кавалло. Некоторое время ему удавалось сводить концы с концами, используя для платежей валюту, поступавшую от иностранных инвесторов и от экспорта аргентинских товаров. В 2001 году, когда только по процентам госдолга пришлось уплатить 20 млрд долл., это съело 70% валютных поступлений. Как следствие рос бюджетный дефицит: за годы реформ он увеличился в 9 (!) раз – до 7,1 млрд долл. Что отрицательно сказывалось на привлечении новых инвестиций: на рубеже веков иностранцы уже не рисковали вкладывать деньги в Аргентину. Круг замкнулся.

Но что это мы все о деньгах? Прямо как неолибералы. Аналитики как раз ставят им в вину сосредоточенность на финансовой сфере – при игнорировании социальных вопросов. Российский экономист З. Романова отмечала: “Аргентинская модель последнего десятилетия была сосредоточена на денежно-рыночном механизме как безусловном средстве обеспечения финансово-экономической устойчивости и последующего динамизма роста. Но внешние (видимо, Романова имеет в виду финансистов Уолл-стрит. – А. К.) и местные авторы данной модели недостаточно хорошо учитывали особенности страны, которую они собирались реформировать, а точнее, ее человеческий капитал. Речь идет о переселенческой стране, которую сформировал своеобразный тип людей – энергичных, свободолюбивых, нацеленных на лучшую жизнь... Пренебрегать в подобных условиях социальным, человеческим фактором... изначально было недальновидно” (“Латинская Америка”, № 4, 2002).

А “человеческий капитал” тем временем испытывал всё возрастающие нагрузки. Социальное расслоение, характерное для Латинской Америки, приблизилось к опасной черте. На долю 10% самых богатых аргентинцев приходилась без малого половина национального дохода – 41,2%. В то время как 41,5% были отброшены за черту бедности. Для сравнения: перед началом реформ бедняков было всего 19,7% (“Латинская Америка в XX веке”...).

Таков реальный итог – и подлинная цена! – неолиберальных преобразований.

Может показаться, что и это не более чем цифирь. Но кому как не нам, русским, знать, сколько человеческой боли, личных и семейных трагедий кроется за подобными цифрами. Авторы книги “Латинская Америка в XX веке” справедливо замечают: “Бедность не может быть сведена только к материальной стороне существования. Она являет собой *весь образ жизни* несчастных и обездоленных людей, в том числе их психологическое, физическое, духовное состояние”.

Русским людям эти слова тем более понятны, что, по подсчетам объективных экономистов (они отличаются от официальных), сегодня в РФ за чертой бедности живут те же 40% населения (данные руководителя Центра социальной политики Е. Гонтмахера. – “Независимая газета”, 28.08.2007).

* Боюсь, что это треклятое “случись что” уже летит к нам на крыльях ипотечного кризиса из Соединённых Штатов.

Как видим, **положение в сегодняшней России не слишком отличается от того, что сложилось в Аргентине накануне социального взрыва.**

Разве что в сфере занятости ситуация у нас заметно лучше. В латиноамериканской республике одна пятая трудоспособного населения была лишена работы. В России – всего несколько процентов. Хотя, зная, как тяжело иметь дело с российской бюрократической машиной, можно предположить, что безработные далеко не всегда регистрируются: пособие мизерно, а хлопот не оберёшься...

Завершая аргентинский сюжет, следует подчеркнуть: примерно так же обстояло дело и в других южноамериканских государствах. В те же годы через приватизацию прошли Мексика и Бразилия. Национальный план приватизации начал осуществляться в Бразилии в 1995–1996 годах. Пришлось даже вносить поправки в Конституцию, где была закреплена государственная монополия в нефтяной промышленности. В основном распродавались самые доходные отрасли – нефтянка, телекоммуникационный сектор, шоссейные и железные дороги, морские порты, электроэнергетические системы.

И здесь первоначально эффект был положительным. Инфляция упала с 916% в 1991 году до 1,65% в 1998-м. Национальная валюта – реал – по покупательной способности почти догнала доллар, что позволило наводнить страну зарубежными товарами. Словом, полная “феличита” по уже знакомой схеме.

А закончилось всё ростом внешнего долга до 212 млрд долл. На его погашение только в 2001 году ушло 18,8 млрд долл. (“Латинская Америка”, № 1, 2002). Приватизация обернулась банальным повышением цены на продукцию. Эксперт Деннис Смолл в статье “Энергопираты Буша готовы выключить свет”, подвёл итоги продажи энергосистем в частные руки: “Цены растут, и потребители электроэнергии оказываются не в состоянии оплачивать счета, происходят банкротства, уровень жизни населения падает, невзирая на все обещания. Новые капиталовложения сокращаются. Преобладает хаос, другими словами, дерегулирование регулирует рынок” (цит. по: “Латинская Америка”, № 8, 2002).

Результатом неолиберальных реформ в Бразилии стал кризис 1999 года, спад производства, девальвация реала. Число безработных выросло до 8 миллионов. Половина населения оказалась за чертой бедности. А социальная поляризация побила рекорд Аргентины: на долю 10% самых богатых бразильцев в 2002 году приходилось 46,8% национального дохода (“Латинская Америка в XX веке...”).

Через серьезные кризисы прошли и другие южноамериканские страны: дефолт объявляли Эквадор (1999), Уругвай (2003), Гренада (2004), Доминиканская Республика (2005), Белиз (2006). В течение 90-х лихорадило Мексику.

Отдавая должное специалистам, проанализировавшим кризисные явления на континенте, все же отмечу: большинство из них не упоминает о главной, на мой взгляд, причине – латиноамериканские государства слишком поспешно и безоглядно вошли в мировой рынок. Умолчание понятно: тот же путь проделывает Россия.

Реформаторы ставили на три фактора: емкость глобального рынка, инвестиционные потоки с Запада, модернизацию местных экономик. Оживлённая экономическая конъюнктура начала 90-х благоприятствовала их планам.

Хотя проблемы обозначились уже тогда. На это указывает доктор экономических наук Зинаида Романова – один из немногих аналитиков, исследовавших причины кризисов с должной глубиной. В статье “Экономическая безопасность в современных условиях” (“Латинская Америка”, № 11, 2002) Романова отмечает, что латиноамериканская экспансия на глобальный рынок натолкнулась на сопротивление промышленно развитых держав и так называемых азиатских тигров. Выяснилось, что основные ниши в международном разделении труда заняты.

Начавшаяся в конце 90-х рецессия и вовсе поставила крест на амбициозных планах: Запад бросился защищать своих производителей. Классический пример – введение Соединёнными Штатами 30-процентной таможенной пошлины на импорт стали, больно ударившей по Бразилии и другим странам Южной Америки, а также по России.

Не оправдался и расчёт на модернизацию производства. В работе “Латинская Америка в системе глобальной внешней торговли” (“Латинская Америка”, №4, 2004) З. Романова констатирует: новые производства, ориентированные

на экспорт, слабо связаны с местным рынком. Их технологический опыт не распространяется на другие предприятия. Показателен в этом смысле пример мексиканских сборочных заводов – макиладорас. Они замкнуты на рынок северного соседа. Из США поступают технологии, комплектующие, туда уходит готовая продукция да и прибыль (большинство макиладорас принадлежит янки).

О разрушительной роли иностранных инвесторов мы уже говорили. При первых признаках кризиса они начинали выводить деньги на Запад, оставляя латиноамериканские экономики в руинах.

Процветание, которое неолибералы сулили избирателям (К. Менем шел во власть под лозунгом “Я дам вам зарплатищу”), оказалось миражем. Но было бы неверным возлагать за это ответственность только на местных реформаторов, как это делает большинство исследователей. Неолиберализм изначально реализовывался как глобальный проект. Гигантские финансовые потоки, поддерживающие жизнеспособность этой системы, могут эффективно циркулировать только в условиях всемирного рынка. Крах неолиберальных реформ в Южной Америке выявил коренную ущербность модели.

Прежде всего ее глобализаторской роли. Сделав ставку на всемирный рынок, латиноамериканские реформаторы, по существу, отдали судьбу своих преобразований (и своих стран!) в чужие руки. Вновь сошлюсь на З. Романову: “Экономика Латинской Америки всё в большей степени стала определяться воздействием внешних факторов, лежащих вне сферы контроля или влияния сил, представляющих национальные интересы” (“Латинская Америка”, №11, 2002).

Сказанное в высшей степени актуально и для России. Ведь её процветание – весьма эфемерное, приходится признать – так же зависит от внешних факторов: иностранных инвестиций (здесь зависимость ниже, чем у Латинской Америки) и от экспортных поступлений (тут она намного выше!). Колебания глобального рынка незамедлительно отзываются кризисными явлениями в российской экономике. Вот свежий пример: в Соединённых Штатах возникли проблемы с ипотекой – банки раздавали кредиты направо и налево, не учитывая платежеспособность заёмщиков; теперь люди не в состоянии выплачивать проценты. “Лоханулись”, как говорят нынче, американцы, а расплачиваться приходится россиянам. Взволновавшие зарубежные инвесторы за две недели августа вывели из страны 9,2 млрд долл., а над мелкими и средними отечественными банками нависла угроза дефолта из-за резкого роста процентов межбанковских кредитов (“Ведомости”, 7.09.2007).

Разрушительная роль глобального финансового капитала ясна сегодня даже для самых заядлых (и благополучных!) рыночников. Симптоматично совместное заявление, сделанное недавно руководителями двух крупнейших государств Европы – Николя Саркози и Ангелой Меркель: “Мы не можем позволить, чтобы несколько спекулянтов обрушили всю международную систему” (“Коммерсантъ” 2.09.2007). Говоря о кризисе, перекинувшемся из Америки не только на Россию, но и на Евросоюз, Саркози воскликнул: “Так больше продолжаться не может!”

Если уж такой пропагандист рыночной экономики, как Николя Саркози, делает столь отчаянные заявления, то можно догадаться, насколько неблагоприятна ситуация в мировом хозяйстве.

Трудно не согласиться с З. Романовой, когда она указывает на прямую зависимость между уязвимостью национальных экономик и их вовлеченностью в мировой рынок: “... Чем меньше страна втянута в глобальные рыночные отношения, тем слабее спад в кризисные периоды” (“Латинская Америка”, № 11, 2002).

Это не означает призыва к самоизоляции – она так же губительна для национальных экономик, как и безграничная открытость. Наиболее выгодна позиция Китая, внешнеэкономическая активность которого служит эффективным дополнением к стратегии развития внутреннего рынка.

Так зачем же Кудрин (оставленный в новом правительстве и даже повышенный в чине – будто в насмешку над “суверенной демократией”) упорно тащит Россию по латиноамериканскому пути, игнорируя опыт Китая?

И ещё информация к размышлению: кризисные явления не просто распространяются от центра к периферии, они нарастают по мере

движения. По сути, развитые страны перекладывают свои проблемы на менее экономически сильных соседей. Ни отечественные, ни, тем более, западные эксперты не любят распространяться на сей счёт. При обсуждении аргентинского кризиса лишь один автор рискнул заметить: "...Не исключено, что всё произошедшее сейчас в Аргентине выгодно США" ("Латинская Америка", № 4, 2002).

В российском истеблишменте принято отмахиваться от подобных заявлений, как от рецидивов "теории заговора". Но в данном случае речь не о "заговоре", а о конкурентной борьбе. Чуть было не написал – нормальной конкурентной борьбе. Хотя, даже отрешившись от моральных критериев, якобы "не работающих" в экономике, трудно признать нормальным положение, когда страна, на которую как на образец ориентировалась Аргентина, содействовала её краху.

Немалый интерес представляет типология стран, переживших кризисы на рубеже столетия. Общие черты попытался выявить один из участников "круглого стола", посвященного Аргентине, доктор исторических наук А. Глинкин. Приведу пространную цитату:

"1. Жертвами становятся преимущественно крупные страны с населением от 50 до 150 миллионов жителей, причем некоторые из них по ряду макроэкономических показателей входят в первую десятку государств мира... Они образуют группу стран, находящихся на этапе перехода, осуществляющих программы разнообразных реформ, в том числе неолиберальной направленности, дабы выйти на рубежи постиндустриальной цивилизации..."

2. Страны, переживающие финансово-экономические кризисы нового поколения, принадлежат к числу крупнейших должников. Их внешний долг колеблется в пределах 100–235 млрд долларов..."

3. Почти все страны кризисной группы на определённом этапе осуществления неолиберальных реформ в 90-х годах добивались впечатляющих экономических успехов и удостоивались громких титулов "новых индустриальных стран", "тигров", "витрин неолиберализма" и т. п. Однако им не удалось закрепить временные достижения и добиться устойчивого развития" ("Латинская Америка", № 4, 2002).

Зададимся вопросом: случайно ли не удалось? Почему именно крупные индустриальные страны, не относящиеся к западному миру (такие как Аргентина, Бразилия, Мексика, Индонезия, Россия), оказываются жертвами кризиса? Не потому ли, что они являются конкурентами Запада в борьбе за ресурсы и рынки? Страны "золотого миллиарда" ещё могут санкционировать экономический прорыв крошечного Сингапура, небольших Тайваня или Коста-Рики. Но 150-миллионным гигантам вход в круг избранных закрыт.

При этом Западу вовсе не обязательно разворачивать против них финансовые войны и плести заговоры, достаточно воспользоваться перепадами мировой конъюнктуры, просчётами местного руководства и чуть подтолкнуть. Технологию самодовольно раскрывает Дж. Сорос, спровоцировавший кризис в Индонезии ("Реформируя глобальный капитализм", пер. с англ. М., 2001).

Разумеется, и после его признания можно бесконечно спорить о "рукотворности" экономических кризисов. Но то, что Вашингтон не помог Аргентине в решающий момент (также как Индонезии, России – исключение было сделано только для слишком тесно связанной с Соединёнными Штатами Мексики, да и то только после того, как она была обескровлена), факт неоспоримый.

Этот урок – самый значимый для России. Особенно на фоне ухудшения её отношений со странами "золотого миллиарда". Изменение российской политической риторики, начавшееся с Мюнхенской речи Путина, – шаг правильный, но далеко не достаточный. Наш экспорт – основа относительного благополучия и социального мира – по-прежнему ориентирован на Запад. Наш золотой запас и деньги Стабфонда вложены в западные ценные бумаги. Сама экономическая модель развития России копирует западную. Пора менять не только риторику – парадигму развития.

...Но не слишком ли мы увлеклись критикой неолиберализма? Всё-таки "Возвращение масс" – не экономический труд. В том-то и дело, что неолиберализм – это не только экономическая доктрина, но и ми-

ровоззрение. Точнее, экономическая доктрина, претендующая на то, чтобы отменить как “ненужные”, “устаревшие” мировоззренческие, этические принципы. Не случайно программный документ неоллиберализма – так называемый “Вашингтонский консенсус” – с кощунственной претенциозностью был сформулирован как новые заповеди. Составители, экономисты Всемирного банка, многозначительно разбили его на 10 пунктов.

1. *Бюджет*: аскетический подход к расходам на общественные потребности во избежание дефицита и инфляции;

2. *Налоги*: в пользу богатых, потому что они склонны к накоплению и инвестированию...;

3. *Денежная политика*: высокий процент для стимулирования накоплений и привлечения капиталов;

4. *Обменный курс валют*: низкий, для поддержания конкурентоспособности на внешних рынках;

5. *Свобода торговли*: снижение таможенных и нетаможенных барьеров, свободное перемещение капиталов по всему миру;

6. *Инвестиции*: всемерное привлечение иностранных капиталов, гарантии и равные с национальными капиталами льготы;

7. *Приватизация*: распродажа активов государственных предприятий и всемерная поддержка частного предпринимательства;

8. *Конкуренция*: отмена субсидий, особенно сельскому хозяйству, и установление справедливой цены на рынке;

9. *Дерегламентация*: снятие ограничений на инициативу и свободу конкуренции;

10. *Правовое обеспечение частной собственности и создание личных крупных состояний***.

“Вашингтонский консенсус” был разработан в 1989 году на встрече “Большой семерки” в американской столице. Будущее Советского Союза к тому времени определилось, и страны “золотого миллиарда” договаривались о том, на каких принципах будет осуществляться их господство над миром. Драматическое развитие последующих полутора десятков лет – результат этого сговора.

Демонстративный отказ от социальных гарантий, завоеванных массами в двухвековой борьбе. Снижение заработной платы. Безработица. Перевод целых отраслей промышленности на мировую периферию с дешевой рабочей силой. Но не только это. Войны за передел ресурсов, развязанные с показательным пренебрежением к международному праву и общественному мнению. Чудовищные провокации, позволившие – под предлогом борьбы с террором – сломать систему прав и свобод на Западе. Разделение мира на “состоявшиеся” государства и “проблемные” (они же – “ось зла”). Расслоение общества на элиты и плебс, отброшенный на обочину общественного развития, как во времена луддитов.

“Сумерки века” или “новое средневековье” – вот что такое неоллиберализм.

Крушение экономической модели неоллиберализма в Латинской Америке столь же значимо, как и его военное поражение в Ираке.

Южноамериканские “пикетерос”, “кокалерос” и прочие протестные движения – это один из отрядов возвращающихся на мировую сцену масс. Наряду с антивоенными организациями Европы и Северной Америки. С исламскими фундаменталистами. С антиглобалистами, кстати, впервые получившими легитимный статус на Социальном форуме в Бразильском Порту-Алегри.

Не будет преувеличением сказать, что изживание неоллиберализма началось именно в Латинской Америке. Оно проявилось в таком ярком – и яростном! – событии, как “левый поворот”, захвативший целый континент.

О “левом повороте” наблюдатели заговорили в 2003 году, после того как на президентских выборах в Аргентине одержал победу Нестор Киршнер. Он выдвинул левоцентристскую программу, обещавшую перераспределение доходов в пользу неимущих, строительство дешевого жилья, субсидирование продовольствия и бытовых товаров для бедняков.

Его успех можно было бы списать на аргентинскую специфику, представить как результат шока 2001 года, но к тому времени в Бразилии уже пришел

* Цит. по: Ключников Б. ВТО: дорога к рабству. М., 2005.

к власти Лула да Силва – человек-легенда, рабочий-металлист, профсоюзный вождь, создатель и лидер Партии трудящихся. “Левый поворот” не удалось локализовать, объявить исключением из правил.

Лула одержал победу на выборах в 2002-м. Тогда же упрочил свои позиции друг Фиделя Кастро и самый яростный критик Соединённых Штатов президент Венесуэлы Уго Чавес (об этом особо в следующей главе).

А дальше – как прорвало! Красный и розовый расцвели политическую карту Латинской Америки. В 2004 году маленькую, но стратегически важную Панаму возглавляет лидер Революционно-демократической партии М. Торрихос, сын знаменитого “генерала бедняков” Омара Террихоса, сумевшего отобрать у американцев Панамский канал и сразу после этого погибшего в загадочной авиакатастрофе. 2005-й – в Уругвае, самом уважаемом государстве континента, побеждает лидер “Широкого фронта” Табаре Васкес. В коалиции с его умеренно левой партией “Новое большинство” – “Тупамарос”, бывшие городские партизаны (одни из самых дерзких даже на “бунтарском континенте”!). Недавний подпольщик Х. Мухика становится министром. Это как если бы в России в один прекрасный день министром культуры назначили Э. Лимонова или министром обороны полковника В. Квачкова, обвиняемого в покушении на Чубайса.

Чудеса на этом не кончились. В 2006 году в Боливии к власти приходит Эво Моралес – лидер партии “Движение к социализму”, возглавивший “кокалерос” – крестьян, протестующих против уничтожения посевов коки, традиционного продукта их питания. Тогда же умеренная социалистка М. Бачелет становится первой женщиной – президентом Чили. 2006-й завершается двойным торжеством левых. В октябре в Бразилии Лула, выдержав ожесточенную борьбу, переизбирается на второй срок, а в ноябре в Никарагуа сенсационно возвращается во власть лидер Сандинистского фронта национального освобождения Даниэль Ортега. Соединённые Штаты поддерживали его соперника – банкира Эдуардо Монтеалегре и грозили республике всяческими карами в случае избрания сандиниста. Но это лишь раззадорило избирателей.

Та же история произошла на выборах в Боливии: американский посол заклинал не голосовать за Моралеса. Внешнее вмешательство прибавило вожаку “кокалерос” такое количество голосов, что он пообещал назначить американца главой своего избирательного штаба. Выразительный штрих, характеризующий атмосферу, установившуюся в Латинской Америке. “Почти весь континент, вдруг ставший пленником социалистических идей, дрейфует прочь от Соединённых Штатов, свободного рынка и демократических ценностей”, – сокрушается директор Центра глобального развития Независимого института Калифорнии Альваро Варгас Льюса (Интернет-портал “Полит.ру”).

Перуанец американского розлива соврал дважды. Никакого “дрейфа” прочь от “демократических ценностей” в Латинской Америке нет. Кандидаты левых побеждают в честном состязании за голоса избирателей. Соответственно называть латиноамериканцев “пленниками социалистических идей”, по крайней мере, некорректно. Они сами сделали свой выбор.

2007-й отмечен успехом сразу трёх кандидатов левых. В Эквадоре Рафаэль Корреа победил в принципиальном противостоянии с выдвинутым правых – банановым королём, мультимиллионером Альваро Нобоа. В Гватемале президентом стал социалист Альваро Колон. Аргентинцы на новых выборах отдали симпатии жене Нестора Киршнера – Кристине.

Показательно – кандидаты социалистической ориентации одерживали верх во всех поединках с правыми. В конце концов латиноамериканский истеблишмент вынужден был пойти на хитрость. На президентских выборах в Перу в 2006 году первоначально предполагалось, что основным соперником левого радикала Ольянты Умалы станет консервативный политик бизнесвумен Лурдес Флорес. Но уже в ходе избирательной кампании выяснилось, что она не сможет составить конкуренцию Умале. Тогда на первый план выдвинули умеренно левого Алана Гарсиа. И ему удалось вырвать победу, перехватив протестный электорат Умалы.

Тот же манёвр правящие элиты предприняли в Коста-Рике. На выборах в минувшем году они выставили против левака Оттона Сомеса социал-демократа Оскара Ареаса, и тот одержал победу. Правда, с микроскопическим преимуществом, что даёт повод усомниться в её чистоте.

Тут мы подходим к мексиканским выборам, состоявшимся в июне 2006 года. Опросы общественного мнения однозначно предрекали успех лидеру Партии демократической революции, бывшему мэру Мехико Лопесу Обрадору. Однако Избирательный трибунал (есть в Мексике такой орган) объявил победителем кандидата правящей партии консерватора Филипе Кальдерона. Разрыв между кандидатами составил мизерную цифру – 0,5%. Сторонники Обрадора заговорили о махинациях и потребовали ручного пересчёта голосов, Избирательный трибунал согласился пересчитать лишь часть бюллетеней. Тогда Обрадор вывел на площадь Мехико 2 миллиона сторонников. Они скандировали: “Не будет резолюции (о пересчёте голосов. – А. К.) – устроим революцию” (“Коммерсантъ”, 1.08.2006). Трибунал уступил.

Понятно, правые не могли отдать Мексику – это предмостное укрепление, защищающее Соединённые Штаты от “пылающего континента”. Этот сборочный цех Америки, поставляющий янки качественные товары по цене продукции банановых республик. К тому же, не следует забывать о проблемах в американо-мексиканских отношениях. Прежде всего связанных со строительством заградительной стены, призванной изолировать “благословенную землю” США от Мексики. Правые традиционно приглушают споры с могущественным соседом, а задорный левак мог бы их обострить. Да ещё напомнить о том, что самые богатые штаты Америки – Калифорния и Техас – это часть территории Мексики, которую алчные янки оттяпали в ходе череды захватнических войн.

Я говорил об упущенной победе Обрадора с депутатом 4-й Думы Николаем Сергеевичем Леоновым, прожившим много лет в Мексике. “Американцы считают Мексику партнёром номер один в мире, – огорошил меня старый разведчик. – Да-да, не удивляйтесь, самые доступные для Соединённых Штатов иностранные месторождения нефти и газа находятся у мексиканского побережья. Отсюда и отношение. Американское посольство в Мексике – самое большое зарубежное представительство Вашингтона. Американцы прострочили страну, как пирог изюмом. Вся финансовая элита, вся политическая элита, пресса, некоммерческие организации оказались на стороне Америки”.

Мексиканскому истеблишменту и американским кураторам удалось заблокировать приход Обрадора во власть. Но и правому президенту трудно установить контроль над расколовшейся страной. Об этом свидетельствует трагикомический инцидент: для того чтобы “победитель” мог принести присягу в зале Национального конгресса, ему пришлось просить оппозиционеров пропустить его к трибуне. И первая попытка успехом не увенчалась (“Коммерсантъ”, 30.11.2006).

Куда более драматичны другие сообщения из Мексики. Правительство пытается силой подавить повстанческие движения в беднейших штатах. В ответ радикалы грозят гражданской войной и подрывают нефтепроводы (“Коммерсантъ”, 12.09.2007).

Примечательно – именно правые цепляются за власть, рискуя вызвать междоусобные войны. В Мексике победа их выдвиженца вплотную подвела к вооружённому противоборству. В Колумбии кандидат правых А. Урибе переизбрался в ситуации длящегося несколько десятилетий вооружённого конфликта. То была единственная на континенте безоговорочная победа кандидата богачей. Ныне неолибералы могут придти к власти в Латинской Америке только в условиях гражданской войны.

О крутом повороте целого континента, о кипении политических страстей российский читатель узнает лишь из отрывочных сообщений прессы. Надо ли уточнять: далёких от объективности. Вот как, к примеру, преподносила падение режима в Боливии газета “Время новостей” – далеко не самая ангажированная. В статье с подзаголовком “Беднота Боливии свергла президента и требует национализации” приведено мнение директора Центра политических исследований ИЛА М. Чумаковой. Серьезный, если судить до должности, учёный, вместо того чтобы проанализировать ситуацию, откровенно бранится: “Чернь и голытьба”, “Шариковы”, – именует протестующих Чумакова. Тогда как о бежавшем из дворца президенте отзывается с придыханием: “Благородный и честный человек” (“Время новостей”, 8.06.2005).

“Благородный и честный” – это о ком? О Карлосе Месе – поделнике Санчеса де Лосады, приказавшем полиции стрелять по демонстрантам и повинном в гибели 56 человек. При нём Меса занимал пост вице-президента, а затем сменил де Лосаду, после кровавого побоища покинувшего страну.

Хороши образчики “благородства” у наших интеллектуалов! Впрочем, что там “какие-то” полсотни убитых “кокалерос”, известное дело – “голытьба”. Московская элита не раз выражала восхищение Аугусто Пиночетом – на его совести гибель 30 тысяч чилийцев!

Откуда эта безудержная и, прямо скажу, безумная кровожадность? Откуда у кабинетных ученых и “тружеников пера” желание подавить, запретить?

“Поворот налево запрещён”, – с восторгом цитирует “МК” лозунг руководителя предвыборного штаба СПС Антона Бакова (“МК”, 15.08.2007). Наконец и до российских политиков докатилась волна латиноамериканских потрясений. И они, конечно же, не могли придумать ничего оригинальнее, чем привычное “держат и не пушат!” Но если Бакова, человека не бедного, как принято говорить нынче, понять можно, то что заставляет солидаризоваться с ним не слишком известного газетчика и тем более академического учёного – загадка. Ведь учёные, да и “мастера пера” (если речь не идет о единицах избранных), в нынешней буржуазной эРэФии – парии общества. Имущественное положение должно было бы побудить их сочувствовать “униженным”. Не говорю уже о совестливости, некогда отличавшей русскую интеллигенцию. Демонстративная ориентация на сильных мира сего и столь же демонстративное презрение к “голытьбе” выглядит в данном случае и безнравственно, и нелепо.

Очевидно: объективно оценить значение и суть “левого поворота” в Латинской Америке ни наша журналистика, ни академическая наука не в состоянии. Что и продемонстрировал проведенный в ИЛА “круглый стол” “Левый поворот в Латинской Америке: причины, содержание, последствия” (“Латинская Америка”, № 6, 2006).

Втуне пропали усилия неутомимого К. Майданика придать сему академическому действию должную серьезность и глубину. Он вынес на обсуждение несколько тезисов:

- социально-политическое развитие региона за последние годы качественно изменилось;
 - определяющим вектором стал “левый поворот”; его первые итоги:
 - резкий рост социальной активности низов;
 - образование левоцентристских правительств, провозгласивших приоритетным решение социальных вопросов;
 - утрата неолиберализмом (“идеологией, стратегией, моделью” – уточняет ученый) недавней идейно-психологической и политической гегемонии в регионе;
 - пробуксовка глобализационной экспансии;
 - преодоление однолинейности исторической эволюции, превращение Латинской Америки в одну из двух главных зон всемирного альтернативного движения (видимо, другой “зоной” Майданик считает Ближний Восток).
- Обозначив достижения левого движения, учёный размышляет о его перспективах. И это не абстрактные размышления – от ответа зависит будущее “новой левой”:

“Как совместить в новых условиях два императива: социальный и экономический курс на “искоренение бедности”, с одной стороны, и учет реалий глобализированной экономики – с другой? “Процент риска” и преобразование общественных структур? Потребность в технологиях завтрашнего дня и в увеличении числа рабочих мест дня сегодняшнего?..

Как сочетать демократические, мирные, эволюционные формы реформаторского (или революционного) процесса и категорический императив борьбы с коррупцией – раковой опухолью современного государственного устройства?..

Имея свою главную – и требовательную – социальную опору в низах, как избежать глубокого “диагонального” раскола в преобразующемся обществе?..

Как решается в новой ситуации XXI в., в ходе нового подъема борьбы за альтернативный мир, проблема единства и координации действий её участников? В какой мере оказываются эффективными и правомерными сами принципы традиционного политического руководства, какой институт, какая сила могут взять на себя подобную задачу?”

К. Майданик – единственный из участников “круглого стола”, кто отметил необычно высокую степень активности масс, их непосредственного участия в политическом процессе: **“Главным фактором “поворота” (объяс-**

няющим, в частности, его левый вектор) представляется “бунт исключенных”, политическое пробуждение того конгломерата “глубинных низов” (городских и сельских), который можно обозначить как “бедноту”. Пришли в движение социальные группы, которые в прошлом редко когда удавалось поднять как реформистам, так и революционерам Латинской Америки” (выделено мною. – А. К.).

Другим фактором политических преобразований Майданик считает “беспрецедентный (для региона) подъем таких движений, как расово-этнические, экологические и, особенно, женские”.

Исследователю удалось раскрыть “левый поворот” не только как “политический момент”, “электоральный сдвиг”, событие внешнее по отношению к жизни и устремлениям масс, а как внутренне необходимый экзистенциальный акт, знаменующий их “освобождение” и возвращение на историческую сцену.

В то же время ученый точно сформулировал политические условия, при которых этот, во многом стихийный, процесс сможет обрести устойчивые формы. Майданик использовал опыт советского обществоведения, в течение десятилетий изучавшего (зачастую неформально сочувственно) протестные движения социальных низов. В этом смысле его выступление – не только наиболее профессиональный анализ происходящего в Латинской Америке, но и в известной мере оправдание советского обществоведения и латиноамериканистики, чьи представители (в массе своей) в новых условиях перешли на сторону “идеологического противника”.

Другие выступления на “круглом столе” лишней раз подтверждают факт такого перехода. Уже известная нам г-жа Чумакова отказывается признать реальность самого “левого поворота”: “Утверждение о том, что Латинская Америка стала “красной” зоной планеты, на мой взгляд, сомнительно”. Ей вторит проректор Московского гуманитарного института З. Ивановский: “Не стоит преувеличивать и степень отклонения политического маятника влево”.

Вот так – волю сотен миллионов людей, выраженную с характерным южноамериканским темпераментом – и с необычной для континента политической сознательностью, – “не стоит преувеличивать”. Ещё бы – она противоречит тезису о “безальтернативности” политического курса на построение “светлого капиталистического будущего” во всём мире, и в России в частности!

Б. Мартынов, замдиректора Института Латинской Америки (заметьте, среди “неведающих” и “невидящих” сплошь начальство), спешит подстраховать незадачливых коллег. Действительно, движение континента влево столь очевидно, что отрицать его нелепо. Мартынов подходит к вопросу с другой стороны – он ставит под сомнение “право-левый” формат политического процесса: “Я отношу себя к тем, кто считает, что приклеивание старых ярлыков, типа “правые – левые” или “бедные – богатые”, – методически пагубно...”

Соглашусь, что традиционный формат не вмещает всей полноты современной политической ситуации. В книге “Симулякр, или Стекольное царство” я предлагал использовать дихотомию: системные – внесистемные силы. Но это было до того, как начался “левый поворот”, засвидетельствовавший, что на левом фланге не только представляют системные партии типа английских лейбористов, но и активно действуют протестные движения, добиваясь зримого результата.

Игнорировать этот результат сегодня, а тем более ставить под сомнение актуальность категорий “богатства” и “бедности” (при том, что миллионы жителей Латинской Америки – как и России – элементарно голодают) – это верх ангажированности, не совместимой с серьезной наукой. Думаю, не случайно Мартынов пользуется в дальнейшем такими намеренно расплывчатыми определениями, как “малопонятные процессы”, “иррационализм”, якобы демонстрируемый целыми нациями.

Социально очерченные категории настолько пугают Мартынова, что он соглашается даже говорить о повороте Латинской Америки к “национализму”, лишь бы замазать реальность “левого поворота”.

Что же, я как националист с радостью приму такой тезис. Но мне трудно понять, что в этом повороте радуется г-на Мартынова: национализм в Латинской

Америке в основном левого толка! Так повелось ещё со времён Американского народно-революционного альянса (APRA), заложившего основу самого известного идеологического течения на континенте – апризма (Ларин Е. Латиноамериканская цивилизация. М., 2007).

Участники “круглого стола” напрасно торжествуют, указывая на неортодоксальность нынешних левых. Латиноамериканская “левая” никогда не отличалась “идеологической чистотой”. Характерно: Фидель Кастро – творец единственной социалистической революции на континенте – не знал азов марксизма. Н. С. Леонов, прикомандированный к Фиделю советским правительством, рассказывал, что ему приходилось по ходу дела растолковывать команданте коммунистическую доктрину.

Не в ортодоксальности, а в опоре на социальную конкретику, на устремления большинства – сила южноамериканских левых. Тот же Майда-ник справедливо отмечал: “Идеология “новейшей левой” основывается не столько на интересах той или иной социально-экономической общности, сколько на ценностях, разделяемых большинством, а предлагаемые ею решения – на “сущем”, на реальностях современного мира (и угрозах мира грядущего), а не на положениях “единственно научной теории” (выделено мною. – А. К.).

Убеждён – в этой опоре на “живую жизнь” – не слабость, а победительная сила современного левого движения.

Отчего же уважаемые ученые, участники “круглого стола” прибегают к словесным ухищрениям, дабы затемнить очевидное? О догмате безальтернативности, придавшем отечественное обществоведение с эпохи Сулова–Александрова, а как бы и не со времён бухаринского теоретизирования, упоминалось. Но есть причина более конкретная, “горячая”. Русская ментальность, несмотря на ярко выраженные северные черты, отчасти близка латиноамериканской. Об этом, помимо прочего, свидетельствуют исследования голландского социопсихолога Гирта Хофстеда, предложившего оригинальную методику описания национального менталитета. По многим показателям – так называемая дистанция власти (склонность к преклонению перед начальством), индивидуализм, избегание неопределенности, нацеленность на достижение цели – результаты опросов русских респондентов близки к бразильским, венесуэльским и перуанским (“Ведомости”, 7.09.2007).

Может быть, поэтому жители “пылающего континента” лучше понимают нас, чем люди Запада или азиаты. Что проявляется, в частности, в непривычно доброжелательных отзывах о России и русских не только представителей творческих профессий, но и дипломатов, политиков, руководителей государств. Их регулярно публикует журнал “Латинская Америка”.

Под эти эмпирические данные историк мировых цивилизаций Я. Шемякин подводит фундаментальное обобщение: он относит русскую и латиноамериканскую цивилизации к “пограничным”. Не уверен, что это исчерпывающее определение для русской цивилизации, наследницы византийской, а следовательно, античной и ближневосточной – базиса современного человечества. С другой стороны, предложенная типологизация объясняет многие положительные и отрицательные черты, которые мы сами сознаем в себе и порою мучительно переживаем. К примеру, незавершенность, “шаткость” наших воззрений, о чём с отвращением писал П. Чаадаев и с печалью Ф. Достоевский.

Действительно, в отличие от западных народов (и отдельных индивидов), у нас нет готового ответа на все случаи жизни. Причём не только у обывателей, но и у мыслителей (попробуйте отыскать в русской философии хотя бы одну завершённую систему).

Типичная черта “пограничника” – мог бы ответить Шемякин. По его мнению, плюсы такой ситуации с лихвой компенсируют минусы. Шемякин подчеркивает: “Пограничные цивилизации” всегда были в истории одним из главных резервов разнообразия (в том числе – разнообразных проявлений универсального), противостоящего любым попыткам нивелирования мира, его унификации в соответствии с каким-то одним признаком “формальной рациональности”, положенным в основу современного Запада” (“Латинская Америка”, № 10, 2003).

В интерпретации Шемякина разнообразие, характерное для цивилизаций-«пограничников», — залог существования мировой культуры и самого человечества. Он указывает: «...Поддержание достаточного уровня разнообразия — необходимое условие жизнеспособности любых систем (разрядка моя. — А. К.), включая биологические и социокультурные. Потеря же многообразия в результате унификации действительности в соответствии с каким-то одним определённым стандартом равнозначна росту энтропии, ведущему к упрощению и, в конечном счёте, распаду культуры» (там же).

Среди положительных общих черт наших цивилизаций — стремление к мировой гармонии (творчество Пушкина, концепция «всемирного равновесия» Хосе Марти), принцип «людовой солидарности», противопоставленный «принципу безудержной алчности» («Латинская Америка», № 10, 2003). Положительным (но и отрицательным тоже) качеством является «избыточность», даже «крайняя избыточность» эмоций («Латинская Америка», № 12, 2004).

Может быть, именно эта порывистость побуждала наших предков нетерпеливо сдвигать грань между идеей и воплощением, обетованием и реальностью. Все христианские народы Европы слышали Евангельское слово о Горнем Иерусалиме, но только русские попытались махом низвести его на грешную землю (строительство сакрального комплекса Нового Иерусалима в веке XVII* и попытка воплощения «красной утопии» в XX).

Но ведь и Латинская Америка — земля Утопии. Первые европейцы видели в ней образ Иного. Колумб нарёк её земным воплощением Рая, и эта мифология вдохновляла многие поколения переселенцев.

Со временем поэтический образ обрёл историческую конкретику. Его реализацию видели в Империи Инков. Любопытно: Томмазо Кампанелла писал знаменитый «Город Солнца» (1623) после (и, вероятно, под влиянием) трактата Инки Гарсиласо де ла Веги «О наилучшем государстве» (1609), описывавшего устройство Империи Инков.

Я позаимствовал этот факт из интереснейшего исследования Т. Паниотова «Утопия в пространстве диалога культур» (Ростов-на-Дону, 2004). Там подробно рассказано и об Империи (или, как ещё говорят, «социалистическом государстве») иезуитов в Парагвае XVII–XVIII веков.

«Было создано 33 поселения, или редукции, с населением от 3,5 до 5 тыс. жителей, — сообщает Паниотова. — Всего к 1743 году в редукциях проживали 150 000 человек. Аграрный труд, так же, как и гончарное производство и другие виды ремесленной деятельности, были обязательны для всех и совершались под наблюдением специальных лиц. Отсутствовала частная собственность и деньги. Все необходимые для жизни блага, пища, одежда распределялись через общественные фонды».

К слову, индейские общины, организованные на коммунистических принципах, в Латинской Америке стал создавать ещё Васко де Кирога — сразу после начала колонизации (XVI в.). Епископ мексиканской провинции Мичоакан был поклонником Томаса Мора и первым защитником прав коренного населения («Латинская Америка», № 8, 2004).

На схожих «коммунистических» основаниях строились многочисленные крестьянские общины в России, прежде всего старообрядческие. В том числе такие многочисленные, как Выгорецкий поморский монастырь (знаменитое «Выгорецкое мужицкое царство» XVII–XIX в.) и Уральское казачье войско (среди последних публикаций на эту тему см.: Шахназаров О. Корни русского социализма. — «Вопросы философии» №6, 2007).

Параллели многозначительны и многообразны...

В латиноамериканском «зеркале» россиянам открываются не только привлекательные черты. Вот характеристика местной политической жизни: для неё характерны «клиентелизм, коррупция, надежда на чудо, на то, что к власти может прийти идеальный правитель и решить все проблемы» («Латинская Америка», № 10, 2003). Не правда ли, похоже?

Но народы континента сумели преодолеть безвольную мечтательность. Россияне до сих пор не очнулись от грёз. Поэтому Майданик разводит

* О символическом значении этого акта — см. Казинцев А. Град Божий посреди Руси («Наш современник», № 1, 1998).

нас и деятельных “пикетерос” на разные полюса общественной жизни. Однако сон не бывает вечным (если только это не мёртвый сон!). Русские рано или поздно очнутся. Именно это и страшит ангажированных специалистов по Латинской Америке и, конечно, их спонсоров в российской власти.

Несинхронность “пробуждения” объясняется различиями наших политических культур. Латиноамериканская система построена как биполярная структура, предполагающая состязательность – и сотрудничество! – власти и оппозиции. Оппозиция включена в систему. Это чревато опасностью, о которой мы говорили: отсутствием реальной альтернативы. Но это же делает возможным ротацию власти на выборах.

Случай с украденной победой Обрадора показывает, что и здесь возможности для манёвра внутри системы снижаются, а сам механизм демократических выборов испытывает почти фатальные перегрузки. Даёт о себе знать не только пресловутый административный ресурс, но и внешнее вмешательство, осуществляемое через космополитическую элиту. Я помню, как вздрогнул от болезненного узнавания, когда прочёл горькие слова мексиканского писателя Карлоса Монтемайора: “Я думаю, что наши лидеры зависят от определённой международной структуры и защищают её интересы больше, чем интересы национальные” (“Латинская Америка”, № 6, 2002).

Как видим, и по ту сторону океана далеко до идиллии. Но, несмотря на все несовершенства системы и электоральные эксцессы, лидеры левых в большинстве стран континента смогли перенять власть у правых в результате честно проведённых демократических выборов.

Российская система, к сожалению, замкнута на действующую власть и фактически тождественна ей. Это обстоятельство столь заметно, что на него обратили внимание даже за рубежом. Гернот Эрлер, статс-министр германского МИДа, отметил: “...В рамках ныне существующей в России политической системы соперники президента воспринимаются как назойливые, самонадеянные и, собственно говоря, ненужные люди” (“Независимая газета”, 5.04.2004).

“Ненужные” – это ещё слабо сказано! Молодых оппозиционеров, вознамерившихся провести демонстрацию протеста 9 мая 2005 года, газета “МК” объявила “провокаторами” и публично приветствовала их арест в репортаже, озаглавленном “Провокаторы исчезают в полдень” (“МК”, 11.05.2005).

Тут и до “врагов народа” недалеко! По крайней мере, неблагоприятными оппозиционеры объявлены чуть ли не официально. В преддверии выборов 2007 года УВД на местах рассылали руководству коммунистических организаций письма с требованием поимённо назвать членов, указать их адреса, отметить случаи участия в протестных мероприятиях (“Независимая газета”, 11.09.2007).

Оппозиция не только лишена влияния на власть, она не может донести до общества своё видение ситуации, предложить решение проблем. Публика привычно ругает интеллигенцию. Справедливо, если речь идёт о той, что толчётся у “подножия трона”. Но есть и другая интеллигенция, стремящаяся помочь народу и стране. Однако её предложения замалчивают, а самих оппозиционеров объявляют “маргиналами”.

Пропагандистская машина готова ошельмовать любого, кто как-либо противопоставит себя режиму. В память врезался телерепортаж о собрании Академии наук, на котором выступал Г. Зюганов. Корреспондентка, судя по голосу – недавняя выпускница журфака, нахватавшаяся там полужнаний, с апломбом отчитывала академиков за внимание, оказанное лидеру коммунистов. Оператор откровенно глумился над ними, выхватывая из толпы чересчур колоритных персонажей, коих немало среди творческих людей. При таком подходе и Курчатов предстал бы “дядькой с бородой”, а Эйнштейна, с его высунутым языком, показали бы как готового кандидата в пациенты Кашенко.

В результате общество – и сама власть! – задыхается без идей, в то время как идеи оказываются невостребованными. О некоторых мы узнаём только тогда, когда правительство всё-таки берёт их на вооружение. Но это классический “испорченный телефон”. Оппозиция давно предлагала создать Фонд развития, чтобы инвестировать деньги в прорывные сферы производства. Наконец власти учредили его, разумеется, выдав идею за свою, но выделили в десятки раз меньше средств, чем необходимо. Ещё более уродливо преломи-

лась давняя инициатива коммунистов – повысить зарплату медикам и учителям. Правительство согласилось больше платить только участковым врачам, что привело к оттоку “дефицитных” специалистов из больниц в участковые. А плата учителям “по головам” учащихся оставила без средств преподавателей малолюдных сельских школ.

Между тем в Латинской Америке оппозиция свободно предлагает обществу своё видение проблем, вплоть до глобальных. Что позволяет загодя выработать проекты их решения, а заодно подготовить общество к необходимым переменам.

Задолго до того, как “левый поворот” осуществился, социалистические партии сформулировали программу обновления. В 1997 году их лидеры со всего континента собрались в Буэнос-Айресе и подписали документ, получивший название “Консенсус Буэнос-Айреса”.

Не устаю удивляться драматическому чутью, которое присуще истории в не меньшей мере, чем самым прославленным авторам. В 1997 году никто и подумать не мог, что в аргентинской столице состоятся самые массовые выступления против неолиберализма. Но именно здесь возник идейно-политический противовес “Вашингтонскому консенсусу”.

Чтобы подчеркнуть драматургию полемической “переклички”, постараюсь свести “Консенсус Буэнос-Айреса” к десяти пунктам.

1. Результатом осуществления неолиберального проекта на континенте явилось расширение пропасти между богатыми и бедными;

2. Возведение приватизации в абсолют, дерегуляция рынков труда лишь усиливают конфликты и социальную напряжённость;

3. Безудержная глобализация урезает хрупкий национальный суверенитет;

4. Неизбежному процессу глобализации необходимо придать “человеческое лицо”, переориентировать в интересах государств и народов;

5. Государство должно быть действенным, сильным и демократизирующимся, обладать значительными ресурсами, которые создадут предпосылки для удовлетворения потребностей беднейших слоёв населения;

6. Для обеспечения прочного социального равновесия расходы государства должны составлять не меньше 30% ВВП. Для этого необходимо адекватно отрегулировать налог на добавленную стоимость, ввести прямой и прогрессивный налог на личное потребление, на имущество, особенно с наследования и дарения, установить специальные сборы за пользование естественными ресурсами, с тем чтобы часть ренты предназначалась на их возобновление;

7. Введение “базовой совокупности социальных прав”, системы социального обеспечения, предусматривающей механизмы перераспределения доходов в пользу бедных, адресную поддержку малообеспеченных слоёв населения;

8. Сведение к минимуму влияния денег на политику, государственное финансирование участников избирательных кампаний. Ограничение концентрации СМИ в одних руках;

9. Принятие комплекса мер, направленных на демократизацию политической системы. В частности – проведение референдумов по вопросам общественного устройства, право отзыва депутатов всех уровней по требованию избирателей, ответственность министров перед парламентом, рассмотрение в судебном порядке дел, касающихся злоупотребления властью;

10. Необходимость поиска разнообразных форм мобилизации и стимулирования активности групп населения с целью более полного учёта их интересов и потребностей*.

“Консенсус Буэнос-Айреса” обозначил направление и формат социально-политических изменений, которые впоследствии были осуществлены в ходе “левого поворота”. Предчувствую, что охранители тут же возопят: “Вот и не следовало давать трибуну левым “смутьянам”. Не было бы программы – не осуществился бы и сам поворот...”

Такое мнение глубоко ошибочно. Программа левых партий, сформулированная в Буэнос-Айресе, спасла Латинскую Америку от бунтов “бессмысленных и беспощадных”. Она направила протестную энергию масс не в разрушительное, но в созидательное русло. Разумеется, во время декабрьских беспорядков 2001 года мало кто вспоминал о

* Положения “Консенсуса Буэнос-Айреса” изложены по статье Э. Дабагына “Политическая жизнь в Латинской Америке на рубеже веков” (“Свободная мысль”, № 5, 2006).

“Консенсусе”. Но когда страсти поутихли, партийные и профсоюзные лидеры, да и общество в целом, уже имели положительную программу, на которую можно было опереться в борьбе за власть и которую можно было осуществлять, придя к власти.

К сожалению, у нас подобное невозможно. Что чревато крутыми поворотами в политике и социальными потрясениями при любом серьёзном осложнении ситуации.

Латинскую Америку отличают от России особенности не только политической культуры, но и культуры в тесном, классическом значении слова. Литература, кинематограф, даже живопись континента воспевают социальную борьбу и настраивают на неё читателя и зрителя.

Наиболее аполитичными из творцов традиционно считаются художники. Но вот о чём они говорят в Латинской Америке. Выдающийся мексиканский живописец Пабло О’Хиггинс отмечал: “Стенная живопись в Мексике вдохновлялась великими сражениями моего народа, возвеличивала их и воспевала”.

— Ну и что такого? — удивится читатель. — Наш официоз занимался тем же.

Тем же, да не совсем. Повторив первую часть признания О’Хиггинса, наши лауреаты не отважились бы воспроизвести его до конца: “В этой живописи — призыв сохранять стойкость на нелёгком и полном опасностей пути, чтобы добиться национального и социального освобождения” (“Иностранная литература”, № 2, 1978).

А это высказывание известного эквадорского художника Освальдо Гуаясамина: “Рисуя в течение полувека, я как будто издавал безнадежный крик. С ним сливались все другие вопли, выражавшие унижение и страх перед тем временем, в котором нам пришлось жить. Но, несмотря на это, я надеюсь, что наступит день, возможно в XXI веке, когда концепция мира будет другой: без нищеты, без ненависти, без неграмотности” (цит. по: Ларин Е. “Латиноамериканская цивилизация”).

На “бунтарском континенте” политизированы даже художники. Что же говорить о писателях? В период правления военных режимов их произведения призывали к неповиновению. Вот навскидку несколько сюжетов 70–80-х годов: побег политзаключённых из концлагеря (повесть боливийского писателя Ренато Прады Оропесы “День рождения”); борьба рабочих-активистов с наёмниками хозяев завода (повесть чилийского прозаика Гильермо Атиаса “Против течения”); документальное повествование об узниках Пиночета, проявляющих солидарность и человеческое достоинство там, где это, казалось бы, невозможно (“Стадион” Серхио Вильегаса).

Латиноамериканская литература возвеличивает героев борьбы — показателен рассказ аргентинца Хулио Картасара “Собрание”, где образ главного героя команданте Луиса явно списан с Фиделя Кастро. И проникновенно оплакивает утраты — выразителен “плач” из романа мексиканца Карлоса Фунтеса: “Terra Nostra”:

*Прощай, Утопия...
Прощай, Город Солнца...
Прощай, Васко де Кироба...
Прощай, Камило Энрикес...
Хуарес не должен умереть...
Ни Марти, мальчик...
Ни Сапата, брат...
Ни Че...
Прощай, Ласаро Карденас...
Прощай, Камило Торрес...
Прощай, Сальвадор Альенде.*

Впрочем, литература не сводима к тематике. Дело не в отдельных сюжетах — в атмосфере, настрое латиноамериканской словесности. Само определение “магический реализм”, под которым она буквально ворвалась в мировую культуру XX века, говорит о преодолении бытовых рамок, социальных дефиниций, идеологических догм. Избыточность, чрезмерность, мифологизация обыденности, роковая игра стихий — вот что отличает “магический реализм” и прежде всего произведения самого известного писателя этого направления колумбийца Габриеля Гарсиа Маркеса.

Не человек, не общественная группа, не партия противостоят установившемуся строю. Сама природа, распредмечивающая человека, раскрывающая его родство с окружающим миром, яростным и прекрасным, вступает в противоборство с любыми ограничениями и порядком как таковым. У Маркеса каждый характер – как пороховой погреб. А в довершение тропическая природа, ликуя, вовлекается в круговорот страстей, играючи сокрушая человеческие расчёты и стены человеческого жилья. Тут даже не стоит упоминать “Сто лет одиночества” – этот грандиозный миф слишком масштабен, чтобы его использовать для иллюстраций социокультурных схем. Вспомним хотя бы “Хронику объявленного убийства”: рассказчик, спустя годы после драматических событий, приходит в здание суда, чтобы ещё раз перечитать документы. Но что же? – близкое море ворвалось в помещение архива, волны несут по комнатам тома уголовных дел, треплют разбухшие страницы, знаменуя победу природы не только над судебной системой, классической Фемидой, бесстрашной, а потому незрячей, но и над всеми человеческими установлениями.

...Ещё одна особенность “пылающего континента” – церковь, до сих пор играющая здесь ключевую роль, выступает на стороне бедняка. Прежде всего это относится к простым священникам, по меткому замечанию бразильского писателя Жоржи Амаду, “зажатым между нищетой народа и тайнами доктрины, между аграрной реформой и мессой на латыни” (“Иностранная литература”, № 1, 1990).

Такое положение знакомо и русским православным батюшкам. В печати не раз говорилось об их поистине мученической роли: “Он (сельский батюшка. – А. К.) не персонаж пасторали, как это часто представляется в СМИ. Это человек, оставленный один на один с хаосом, люмпенизацией и деградацией – сухим остатком распада системы коллективного хозяйства” (“Независимая газета”, 6.12.2006).

Станислав Минин, автор процитированной статьи, озаглавленной “Конец пасторали”, как раз проводит параллели между священником в российском селе и католическим падре в южноамериканской глубинке: “Схожим образом в Латинской Америке образованный священнослужитель становится организующим звеном сельской общины, совмещая совершение богослужения с врачебной практикой, обучением крестьян грамоте и основам агрономии. Его враги – это латифундист, наркобарон, партизан. Для последнего священник – конкурент в борьбе за умы” (там же).

При схожих бытовых тяготах латиноамериканскому священнику несравненно легче выполнять свою миссию. И не только потому, что, как отмечает Минин, “там священник – естественная фигура в культурном пространстве деревни”. Хотя и это немаловажно. Но существует и более серьёзное отличие: латиноамериканскому падре церковь даёт концепцию, позволяющую говорить не только о небесном, но и о земном. Органически совмещать духовное и социальное, служение Христу и протест низов. Эту доктрину формулирует “теология освобождения”. Между прочим, Минин заблуждается, постулируя: партизан – враг священника. В Латинской Америке они зачастую действуют вместе.

“Теологию освобождения” в просторечии именуют “церковью бедняков”. Её создателем считается перуанский священник и богослов Густаво Гутьеррес, издавший в 1971 году книгу “Теология освобождения. Борьба Христа с фарисеями”. Основная мысль книги: Христос пришёл в мир дать не только духовное, но и социальное освобождение.

У Гутьерреса сразу появились единомышленники, в том числе влиятельные. Среди них бразильский архиепископ Элдер Камара. Показательно его высказывание: “Помочь детям Божиим выйти из состояния нищеты, в котором они находятся, значит исполнить свой человеческий и христианский долг. Состояние нищеты унижает человека и оскорбляет Создателя” (цит. по: “Латинская Америка в XX веке”). Кто-то скажет, что это весьма умеренная декларация. Однако бразильский иерарх не исключает и самые радикальные пути исполнения “человеческого и христианского долга”. Он заявляет: “Я против насилия, но не осуждаю священников, которые его избрали. Я их понимаю...”

Может быть, это сказано об Эрнесте Карденале, который в период борьбы с режимом никарагуанского диктатора Самосы был капелланом отрядов партизан-сандинистов. Впоследствии Карденаль и ещё три священника заняли министерские посты в первом марксистском правительстве Никарагуа.

Такой союз священнослужителей и коммунистов, наверное, может показаться противоестественным. Везде, кроме Латинской Америки. Там многие готовы согласиться с запальчивым утверждением Фиделя Кастро: “Христианство совпадает с коммунизмом в тысячу раз больше, чем с капитализмом” (цит. по: Хачатуров К. “Латиноамериканские уроки для России”). Кстати, команданте может профессионально судить о предмете: в юности он закончил иезуитский колледж.

Приверженцы “теологии освобождения” не только сочувственно повторяют слова Фиделя: “Предать бедняка означает предать Христа” (там же). Они готовы внести коррективы в самую сердцевину официальной доктрины Ватикана. Уругвайский священник Х. Л. Сегундо утверждает: “Прежняя абсолютизация индивидуального спасения в мире небесном искажает учение Христа. Он заинтересован в полном и всестороннем освобождении всех” (здесь и далее цит. по: “Латинская Америка в XX веке”).

На мой взгляд, делать заявления от лица Спасителя чересчур дерзновенно. Но, думаю, такое прегрешение простится исповедникам “церкви бедняков”. Они одушевлены ощущением, которое выразил архиепископ Сан-Сальвадора Оскар Арнульдо Ромеро, впоследствии убитый карателями из “эскадронов смерти”: “Почитаемый нами Бог – не мёртвый, а живой, чувствующий, действующий, трудящийся, направляющий”. Дивные слова, свидетельствующие о глубокой взволнованной вере!

Священники “церкви бедняков” пережили немало гонений со стороны власти имущих. Напряжённо складываются и их отношения с Ватиканом. Особенно жёстко подавлял инакомыслие своей латиноамериканской паствы папа Иоанн-Павел II, представленный в западных да и наших СМИ образцовым гуманистом и либералом. Между тем в отношении сторонников “теологии освобождения” он действовал вполне авторитарными методами. Так, Иоанн-Павел II лишил сана священников – министров Сандинистского правительства. Примечательно, что соответствующее распоряжение было подписано не их непосредственным священноначалием, но представителями Римской курии (“Независимая газета”, 6.12.2006).

Но и сегодня церковь в Латинской Америке не отказывается от активного участия в политической борьбе. По сообщениям из Парагвая, последней страны континента, не затронутой переменами, на выборах 2008 года за президентский пост готов побороться архиепископ Фернандо Луго. Наблюдатели считают, что у него хорошие шансы победить кандидата от правящей с 1947 года правой партии “Колорадо” (“Латинская Америка”, № 7, 2007).

Культивирование идеи борьбы – социальной и национальной – сформировало особый менталитет латиноамериканцев. Исследователи характеризуют его словом *Ressentiment*. Несмотря на французское происхождение, оно настолько слито с местной жизнью, неотделимо от неё, что его предпочитают не переводить. Или предлагают сразу несколько значений: “чувство негодования”, “готовность к протесту”. Авторы книги “Латинская Америка в XX веке” отмечают основополагающее значение этого понятия для становления человеческой личности: “Человек через *Ressentiment* начинает впервые самоощущать себя, проявлять некую внутреннюю активность, он “просыпается”... Бессилие сменяется “волей к жизни”.

Именно эта воля, выросшая из *Ressentiment*’а, предопределила, на мой взгляд, “левый поворот” Латинской Америки.

Политический вывод достаточно очевиден. Попробую выйти и на психологическое обобщение.

Часто мы жалуемся на тяготы и несправедливости нашей жизни. Кто не восклицал: “В любой нормальной стране подобное невозможно!” Отметились даже лидеры оппозиции. Фактически мы конструируем тот самый Другой мир, но – воображаемый.

В отличие от него, мир, воссозданный на этих страницах, реален. Его обитатели не предаются грёзам, они делают нормальными свои страны. Полагаю, я знаю формулу их успеха, жизненный девиз, вдохновляющий на борьбу: решительное слово *Ressentiment*.

(Продолжение следует)